

Экономика и политика

Brendan Gieseke – UNIS

Translated by Arina Kalashnik

Экономика часто ставится во главу угла политики и является неотъемлемой частью функционирования согласованных систем государственного управления. Фактически, только в 2024 году американские политики привлекли почти 15 миллиардов долларов на проведение выборов — сумму, составляющую часть американской политики и политики в целом. Учитывая, что экономика была признана 90% американских избирателей «чрезвычайно» или «очень» важным вопросом (в контексте президентских выборов 2024 года), можно с уверенностью сказать, что экономика и политика неразделимы.

Значимость экономики в политике проявляется во многих уголках мира — от избирательных кампаний стран Европы до кампаний в Африке. Так, в Германии в прошлом году перевыборы, вызванные распадом коалиции канцлера Олафа Шольца, продемонстрировали провал политики в управлении прежней репутацией Германии как «экономического чуда»: уровень страха немецкого населения перед экономическим спадом вырос с 48% до 68% после распада коалиции. Политические решения имеют многочисленные точки корреляции с экономикой. Или, к примеру, напряжённые выборы 2024 года в Гане между Махамуду Баумиа и Джоном Драмани Махамой. За два месяца до выборов валюта Ганы обесценилась на 3,95%, а уровень недовольства граждан управлением экономикой достиг 74%. В ответ на это Махамуду продвигал своё обещание превратить Гану в «круглосуточную экономику», что привело его к убедительной победе на выборах и продемонстрировало влияние экономики на формирование ганской политики.

Таким образом, для понимания того, как экономические провалы могут трансформировать политические решения, становится крайне важным осознать, каким образом прямое вмешательство государства в экономику способно формировать как положительные, так и отрицательные результаты. Например, в Венесуэле государственные решения о введении потолков цен (максимальных цен на определённые продовольственные товары) в 2003 году привели к разрушительным дефицитам продовольствия, при которых даже сегодня до 40% населения испытывают умеренную или тяжёлую продовольственную нестабильность, согласно данным Всемирной продовольственной программы. Несмотря на попытки правительства сделать продукты питания доступными для граждан путём введения данного регулирования, ироничным образом были созданы дефициты. Эту проблему можно объяснить снижением стимулов для производителей поставлять продукты питания, в сочетании с ростом спроса на продовольствие (вследствие его доступности), что привело к ситуации, при которой производится недостаточно продуктов для населения Венесуэлы. Иными словами, даже если человек мог позволить себе покупку, слишком многие другие люди также могли её позволить, создавая ситуацию, в которой два человека могли желать один и тот же продукт, но один из них был бы вынужден уйти с пустыми руками. Эта ситуация является лишь одним из множества

примеров того, как политика может негативно влиять на экономику и способность граждан извлекать из неё выгоду.

Однако государственная политика может также приносить экономике пользу. После Второй мировой войны Япония оказалась в катастрофическом положении. Несмотря на то, что на пике своего развития экономика страны стала третьей по величине в мире, разрушенная войной Япония столкнулась с безработицей, затронувшей более 13 миллионов человек, высокой инфляцией и серьёзным дефицитом продовольствия. Для борьбы с этим Япония использовала различные экономические меры, такие как план удвоения доходов, обеспечивший среднегодовой темп роста выше 10%, а также земельные реформы, которые обязывали землевладельцев с избыточными земельными участками продавать землю японскому правительству для её использования в более экономически эффективных процессах. В результате экономическая политика Японии оказалась успешной и сформировала экономику, которая принесла выгоду не только самой стране, но и всей мировой торговле и глобальной экономике (см., более 900 миллиардов долларов США в год объёма японского экспорта в 2021, 2022 и 2023 годах). Хотя Япония является одним примером, многие другие регионы, такие как Южная Корея или европейские страны, также демонстрируют схожие траектории и подтверждают преимущества политики в формировании экономики во благо.

В качестве альтернативы следует отметить выгоды международных отношений для развития национальных и международных экономик. Европейский союз (ЕС) является хорошим примером, демонстрирующим плоды дипломатии и глобальных торговых соглашений. Состоящий из 27 стран, ЕС позволяет государствам-членам функционировать в рамках торговых систем между другими странами союза с ограниченными тарифами. В сочетании с введением тарифов в размере 15% на импорт из таких стран, как США (в настоящее время, в результате тарифной войны), союз создаёт большую привлекательность торговли между государствами-членами благодаря экономическим выгодам. В результате весь союз получает выгоду от того, что большие объёмы торговых доходов остаются внутри его границ, что подчёркивает, каким образом политические союзы и дипломатические отношения способны влиять на направление торговых усилий государств и создавать преимущество в виде роста экономики. Тем не менее возникает вопрос: что происходит со странами, которые не могут обеспечить прочные отношения для развития торговли? В краткосрочной перспективе ответ заключается в снижении объёмов экономического оборота, однако более тревожным аспектом таких торговых отношений является то, что они приносят выгоду развивающимся странам в краткосрочном периоде, но не укрепляют их в долгосрочной перспективе. Когда более развитые страны покупают товары у менее развитых, такие торговые отношения могут выглядеть взаимовыгодными, но на практике приводят к уязвимости экспортирующих стран после истощения значительной части их экспортных ресурсов.

Яркий пример подобной торговой монополии можно найти в Демократической Республике Конго, которая производит более 70% мировых поставок кобальта. Несмотря на значительный потенциал страны в сфере международного экономического влияния и

контроля цен (см. опасения кологнского горнодобывающего эксперта Жерара Нимы: «[Китай] является страной-производителем... а это означает, что вы не контролируете рыночную цену», что символизирует эффект волатильности первичных товаров), в целом слабое управление и структура политики не позволяют Конго повышать цены на кобальт в интересах национальной экономики. С точки зрения экономического анализа — учитывая, что ни один товар не является бесконечным, — если запасы кобальта когда-либо окажутся крайне ограниченными, неспособность ДРК лучше контролировать рынок приведёт не только к упущенной экономической выгоде, но и к ситуации с крайне высокими ценами на кобальт и, вероятнее всего, нежеланием иностранных инвесторов инвестировать в страну или закупать кобальт. Кобальт является лишь одним из множества востребованных полезных ископаемых Конго. Горнодобывающий сектор, составляющий около 41,3% доходов Конго в 2024 году, демонстрирует сильную зависимость от иностранного интереса и тем самым подчёркивает необходимость оценки того, в какой степени национальная политика должна опираться на международные экономики; странам необходимо мыслить в долгосрочной перспективе.

Таким образом, важно рассматривать государственные системы и политические процессы с экономической точки зрения, которая должна быть точно соотнесена с конкретными потребностями каждой страны. Приведённые выше примеры представляют собой лишь малую часть влияния и взаимосвязанности экономики и политики. Поэтому вопрос о том, способствуют ли политические решения развитию экономики или ставят её под угрозу, должен быть ключевым фактором в общегосударственном процессе принятия решений.